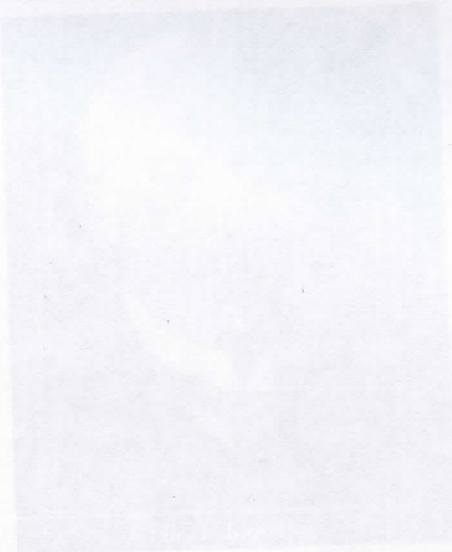

НОВОСИБИРСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ ИМ. М. И. ГЛИНКИ

СИБИРСКИЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ АЛЬМАНАХ

2002

ЕЖЕГОДНИК

НОВОСИБИРСК • 2004

Е. И. Жимулева, Н. В. Леонова, Н. А. Урсегова

«СЕВЕРНЫЕ» ЗАПИСКИ

Славянские коллекции Архива традиционной музыки консерватории, значительная часть которых сформировалась в 1970–1980-е годы, содержат около 2,5 тысяч единиц русского, белорусского и украинского фольклора, бытующего на территории Сибири. С начала 1990-х годов поступление в АТМ нового материала прекратилось в связи с трудностями финансирования экспедиционной работы. Вынужденная пауза затянулась на долгие десять лет. В 2002 году этномузыкологи-слависты присоединились, наконец, к своим коллегам, изучающим традиции коренных народов Сибири и певческую культуру сибирских старообрядцев при финансовом содействии российских научных фондов и программ.

Грантом РГНФ № 02-04-18031е была поддержана программа изучения музыкально-фольклорных традиций, находящихся в инокультурном (иноэтническом или иноконфессиональном) окружении. В качестве подходящего объекта экспедиционного исследования славянская группа комплексной экспедиции НГК определила певческие традиции старообрядцев Северного района Новосибирской области, материалы о которых в АТМ отсутствуют.

В составе славянской экспедиционной группы работали докторант кафедры этномузыкознания консерватории, кандидат искусствоведения Н. В. Леонова, научный сотрудник АТМ, кандидат искусствоведения Н. А. Урсегова и студентка 5 курса консерватории Е. И. Жимулева.

Вниманию читателей предлагается рассказ участников экспедиции о поездке к староверам Северного района, подготовленный специально для Сибирского музыкального альманаха.

В 8 ч. 38 мин. по местному времени 8 июля 2002 г. с железнодорожного вокзала Новосибирск-Главный в Северный район Новосибирской области отправилась в путь музыкально-этнографическая экспедиция Новосибирской государственной консерватории (академии) им. М. И. Глинки. Все участники экспедиции – студентка 5 курса НГК Е. Жимулева, кандидат искусствоведения, научный сотрудник Архива традиционной музыки НГК Н. А. Урсегова, включая руководителя – кандидата искусствоведения, доцента Н. В. Леонову – ехали в этот далекий северный край впервые. Впрочем, с песенным талантом северян и бергульцев были знакомы заочно – по научным публикациям и фонозаписям, по их многократным выступлениям на различных фольклорных мероприятиях. Тем не менее, современное состояние русских народно-песенных традиций в других населенных пунктах Северного района, в частности, расположенных по реке Тартас, было совершенно неизвестно.

В 13.30 поезд № 59 «Хабаровск–Москва» без опозданий доставил нас на железнодорожную станцию г. Барабинска, где нам предстояло дожидаться автобуса, идущего в районный центр Северное. Долгожданный автобус отъехал от стоянки в 17.30. Нам повезло: до места назначения мы ехали с комфортом – без кондиционера, зато сидя, любуясь окружающими нас природными ландшафтами. Рядом с Ната-

льей Владимировной сидела женщина, которая тщетно пыталась разгадать кроссворд. Мы, конечно, не удержались и стали ей помогать: общими усилиями кроссворд был разгадан. Разумеется, отметив наши «незаурядные интеллектуальные способности», женщина выразила нам благодарность и поинтересовалась, куда и зачем мы едем. После того как мы объяснили цель и предполагаемый маршрут экспедиции, наша попутчица – Александра Ивановна Голубева, 1946 г. р., чувашка по отцовской линии и татарка по материнской линии – рассказала о местных достопримечательностях, поведала об истории ныне несуществующего села Тахтаметьево, в котором проживали татары, поляки, чуваша. Александра Ивановна рассказала и том, что по дороге в с. Чуваши на берегу реки Тартас есть памятник, которым отмечено якобы место битвы дружины Ермака с ханом Кучумом.

Между тем, наше трехчасовое автобусное путешествие незаметно подходило к концу, а вдалеке показались первые домики Северного. На въезде в село ПАЗик лихо затормозил, остановился, чтобы высадить пассажиров, живущих в этой части Северного. В окно мы увидели знакомое, улыбающееся лицо: нас ждали. Это была Екатерина Петровна Финашкина, сотрудница местного Дома культуры, студентка 3-го курса фольклорно-этнографического отделения Новосибирского областного колледжа культуры и искусств, большой ценитель народных песен.

Именно ей директор местного Дома культуры доверил встречать «важных» гостей из Новосибирска. Следует сказать, что с возложенной задачей она справилась безукоризненно.

Первый экспедиционный день закончился далеко за полночь, в единственной местной гостинице «Северянка». Разумеется, подъем был назначен на 7.00, без всяких скидок на усталость.

9.07.2002.

Утро следующего дня началось с официальных мероприятий, с посещения «Белого дома» — Администрации Северного района. Решили, что первым делом следует познакомиться с заведующим отделом культуры Юрием Георгиевичем Гламаздиным. Оказалось, что он ждет нас, знает о нашем приезде и готов всячески содействовать экспедиции. Директору местного Дома культуры было поручено оказывать нам практическую помощь: созвониться с сельскими Домами культуры и клубами, договориться о месте и времени записи, выделить нам машину для поездок по району. Разумеется, мы остались довольны встречей, ведь были решены сложнейшие вопросы, связанные с организацией работы экспедиции.

Далее направляемся в Дом культуры, где нас уже ожидают директор — Сергей Григорьевич Осипов и наш «ангел-хранитель» Е. П. Финашкина. Знакомимся, делимся планами, говорим о наболевших проблемах и готовимся к нашей первой поездке в село Гражданцево.

По сведениям информантов, а в Гражданцево мы работали с Усовой Акулиной Васильевной (1927 г. р.), Кейль Галиной Савельевной (1925 г. р.), Осиповой Татьяной Ивановной (1960 г. р.), село имеет длительную историю, так как основано в 1895/1898 гг. чалдонами. Считается, что братья Назаровы, выходцы из Уфимской губернии, основали три села — Верхне-Назарово (с. Северное), Нижне-Назарово (с. Гражданцево) и Елизарово (последнее ныне — в Куйбышевском районе Новосибирской области). В Гражданцево проживали переселенцы из Курской, Могилевской и Черниговских губерний, которые, в основном, сеяли зерновые, занимались заготовкой леса, охотой, скотоводством. Переименование сел произошло вскоре после революции. В начале XX века сюда на постоянное место жительства стали приезжать русские, проживавшие некогда на территории современной Белоруссии.

Надо полагать, что пестрота проживающего в Гражданцево населения оказала воздействие и на формирование местной народно-песенной

культуры. В ней можно обнаружить сочетание как минимум двух культурных составляющих — русской и украинской. Русская часть репертуара представлена такими традиционными песнями, как «Расскажи-ка, душа Маша», «Скакал казак через долину», «Ой там, на горе». Значительную в количественном отношении группу их репертуара составляют русские песни позднего городского и литературного происхождения: «Где эти лунные ночи», «Солнце всходит и заходит», «Сяду я за стол», «Однажды сижу за гитарой», «Хасбулат молодой», «Степь да степь кругом». Из украинского фольклорного фонда широко распространены традиционные лирические песни, такие как «Нэсе Галя воду», «Ой, ты хмелю», «Гэй, Галя гусей».

Значительную группу составляют песни, исполнявшиеся на вечерках, совместных праздниках, проводимых с участием молодежи из соседних деревень. Так, удалось записать крутухи «Чернява, чернобровая моя», «Полоса моя, полосынька», «визитную карточку» села Гражданцево «Ой, кудряш, мой кудряш», игровую поцелуйную песню «Раз, два, три, четыре — я жениться хочу», которую пели под балалайку или под гармошку, «А мы просо сеяли, сеяли», «Посеял зять репку», исполнявшуюся с пляской («дробь ногами били, притопывали»).

Особо следует отметить традицию инструментального музицирования на балалайке, которую нам продемонстрировала Усова Акулина Васильевна (между прочим, приемная мать главы администрации Северного района, Геннадия Георгиевича Зырянова, усыновившая его еще в детском возрасте). От нее были записаны наигрыши «Как Ерёма стал тонуть», «Камаринский», «Семеновна», «Подгорная», «Цыганочка». Кроме того, исполнительница продемонстрировала разные настройки инструмента, а также перестройку балалайки из «гитарного» в «балалаечный» строй, спела шесть песен под аккомпанемент балалайки. Всего в селе Гражданцево было записано 35 фонограмм.

На обратном пути нас ждала неприятность — поломка машины. Вероятно, нас бы сильно покусали местные кровососущие насекомые (паузы), если бы не наш замечательный шофер Иван Иванович, который достаточно быстро устранил поломку.

Вечером, усталые, слегка искусанные паутами мы возвращаемся в гостиницу, обсуждаем итоги первого экспедиционного дня, намечаем план работы на завтра. После ужина принимаемся за обработку экспедиционных материалов и опять ложимся спать глубоко за полночь.

Завтра нас ждет поездка в чувашское село Чуваши.

10.07.2002.

Утром приходим в РДК и в ожидании машины до Чувашей понемногу «эксплуатируем» С. Г. Осипова. Его «бергульское» происхождение позволяет существенно дополнить и уточнить собранные нами сведения о певческой группе села Бергуль. На этот раз разговор заходит об обстоятельствах записи бергульской грампластинки (сер. 1970-х гг.) и поездке коллектива в Москву (1981 г.).

При последующих встречах мы рассматривали фотоальбомы, обсуждали репертуар и певческий стиль самого знаменитого фольклорного коллектива Северного района и даже произвели анализ «огрехов», допущенных при подготовке сборника «Песни села Бергуль». Вот уж где пришлось покраснеть за коллег, не удосужившихся как следует записать, а затем воспроизвести в издании всю «паспортную» информацию...

Поездка в Чуваши – самая авантюрная часть нашей экспедиции. Это село в маршруте появилось случайно: гостеприимные хозяева любезно предложили, а мы не стали отказываться, тем более что в автобусе по дороге в Северное узнали имя одной из «чувашских» песенниц – Маруси Голубевой.

«К серьезной записи музыкального творчества сибирских чувашей мы не готовились, литературу не читали, сборники песен не листали, поэтому соответствовать ситуации будет не так уж и просто», – подобные мысли лишь легкой тенью омрачали наш тридцатикилометровый путь к востоку от Северного вдоль реки Тартас, но совершенно не мешали обозревать скромные красоты местного ландшафта.

Хозяйка сельского Дома культуры Чувашей собрала в клубе трех местных песенниц – Ананьеву Прасковью Трофимовну, 1932 г. р., Голубеву Марию Николаевну, 1932 г. р. (ту самую Марусю Голубеву о которой мы узнали от автобусной соседки) и совсем молодую по

собираетелским представлениям – Петрову Елизавету Ивановну, 1947 г. р. Все они родились в сибирских деревнях (Алешинке и Ивановке), родители же приехали в Сибирь «с Чебоксар».

Поскольку наша запись была «разведочной», мы попытались выяснить прежде всего крупные составляющие части песенного репертуара чувашских песенниц, а кроме того выявить наличие в нем традиционных жанров чувашского фольклора. Первое удалось лучше, чем второе. Записав немногим более 20 фонограмм и разговаривая с песенницами, мы обнаружили следующее. В местной певческой практике распространены три группы певческих явлений. Первую составляют традиционные чувашские песни, которые исполнительницы определяют словом «юрэ» или «ёры» (фонетические варианты чувашского «юрри» – песня). Из произве-

Село Чуваши. Участники экспедиции с местными песенницами М. П. Голубевой, П. Т. Ананьевой и методистом РДК Е. П. Финашкиной
Фото Н. Урсеговой

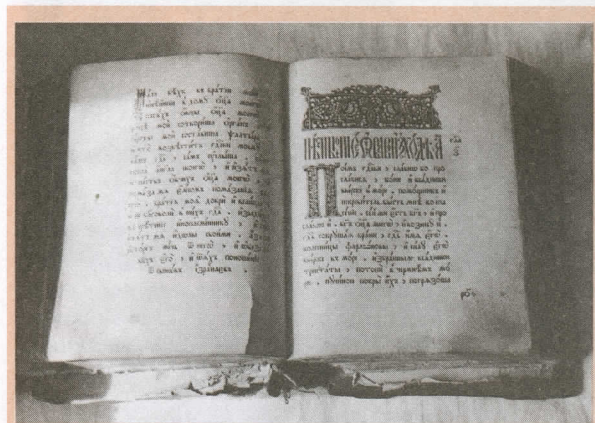
дений этой группы нам удалось записать хорошую песню Петрова дня, свадебную песню сватов, рекрутскую и лирические. Вторая группа образована русскими песнями. В этой части записи мы ограничились констатацией того факта, что русские песни чувашинцам известны. На магнитофон же записали только русские частушки для сравнения с частушками, которые наши песенницы поют «по-чувашински», т. е. на чувашском языке.

Наибольший же интерес вызвала третья репертуарная группа, которая в свою очередь подразделяется на две подгруппы:

а) ассимилированные русские песни с переведенными на чувашский язык словесными текстами (мелодии, как правило, относятся к позднему пласту русской народно-песенной лирики – «Где летал по свету ворон», «В воскресенье мать-старушка», «Как на кладбище Митрофановском»;

б) ассимилированные православные песнопения и молитвы – Верую, Достойно есть, Отче наш, Трисвятое. Пасхальный тропарь Маруся Голубева очень уверенно спела и на чувашском и на русском языках.

Пунктирно намеченная по ходу записи этнокультурная группировка репертуара показала нам чрезвычайно интересной и требующей дальнейшего изучения. Возвращались мы в Северное в приподнятом настроении – есть еще в Северном районе работа для фольклориста – собирателя и исследователя!.. Есть еще на земле сибирской «заповедные острова» традиционной культуры!

Старопечатная Псалтырь.
Фото Н. Урсеговой

В таком состоянии переживания о судьбе духовной культуры мы бы, конечно, проехали мимо не слишком заметного, но вполне материального памятника сибирской истории, сооруженного на месте «битвы дружины Ермака с войсками хана Кучума». Высмотрел его сквозь придорожные заросли наш шофер, Иван Иванович. Высмотрел на свою голову, потому что самая восторженная и невыдержанная часть нашей маленькой группы тут же помчалась по кочкам, не обращая внимания на комаров и тому подобную злобную живность, посмотреть на памятник поближе и запечатлеть его на память.

В Северном «докладываем» о результатах работы в Чуваших С. Г. Осипову и напрашиваемся к нему в гости – посмотреть на наследство, хранимое им «в бабушкином сундуке».

Это – несколько старопечатных книг (описание которых тут же занялась наша Катя), иконы, кадильница, молитвенный коврик – подушник, три вышитых полотенца, мужская опояска, свадебная «парочка» невесты (юбка-«двухрядка» и кофта сшиты в разное время, но по «старинной форме»). Все фотографируем (к сожалению, как позже выяснилось, не все так, как надо, – из-за специфической настройки, вернее, ненастроенности техники), пьем чай и отправляемся домой, то есть в гостиницу.

Вечером гуляем по Северному, осваиваем расположение его главных улиц, затем немного работаем с выполненными днем записями и очень поздно укладываемся спать. Для нас хорошо, что в гостинице почти пусто, и мы никому не мешаем.

11.07.2002.

На четверг была запланирована встреча с исполнительницами знаменитой фольклорной группы села Северное. В 11.00, как и было заранее условлено, в просторной музейной комнате местного Дома культуры состоялась наша первая с ними рабочая запись.

Вначале следует напомнить, что все участницы ансамбля являются коренными жителями села Платоновка Северного района (село перестало существовать еще в 70-е гг. XX в.) и относятся к группе так называемых «кержаков» – русских старообрядцев, предки которых переселились в Сибирь в самом начале XX века из Витебской губернии¹, что на территории современной Белоруссии.

Фольклор платоновских кержаков нам исполняли: Ходинская (Атопкина) Христина Петровна (1947 г. р.), Демчимхина (Хмелева) Евдокия Васильевна (1935 г. р.), Иванова Варвара Естифеевна (1931 г. р.), Рябчикова (Атопкина) Варвара Харитоновна (1938 г. р.). В записи нескольких песен принимал участие и директор Дома культуры Осипов Сергей (Сильвэстр) Григорьевич (1957 г. р.), кержак, уроженец села Бергуль – страстный ценитель старинных песен, хранитель многочисленных этнографических реликвий. Стало ясно, что старшее поколение платоновских исполнителей, известное нам по пластинкам и книгам, уже практически полностью ушло: в живых осталась только восьмидесятилетняя Гнутова (Атопкина) Лукерья Васильевна. Сейчас мы работаем практически с новым коллективом, в основе – платоновским, но включающим также носителей родственных «кержацких» традиций.

¹ Села Ластовичи, Залесье, Глубокое.

Удивительная красота мелодий, сложность многоголосной фактуры платоновских песен в сочетании с колоритным «обелоруссенным» диалектом зазвучали в первых же исполненных ими протяжных песнях «Как Платоновка деревня» и «Ой, скоро, скоро я уеду, брошу Платоновку навсегда». Сразу предположили, что почетное место в традиции по-прежнему занимает лирическая протяжная песня.

Показательны, по нашему мнению, хорошие и плясовые песни – *крутухи*, исполнение которых продемонстрировало огромную энергию, твердую память и замечательные вокальные и танцевальные способности (и возможности) наших информантов. Кроме того, нам показали, как водили «утку» во время пасхальной недели (хоровод «Утка шла»), как поют и танцуют «под язык» при отсутствии гармошки или балалайки («Летели две птички», «Во Саратовской родился», «Коробочка»)².

Вероятно, собственно свадебных песен в традиции было немного, что скорее всего связано с конфессиональной принадлежностью информантов к староверам-кержакам (?). Нам удалось записать только три свадебных песни: «Ох и стой, березушка, не шатайся» (пели, когда шли будить невесту), «А ранешенько, раненько на заре» и «Не садись, пташка, на ветку».

Во время значительных церковных праздников, в пост и у гроба умершего обычно пели духовные стихи и церковные молитвы (зафиксировано 5 фонограмм).

После обеда, переждав ливневый дождь, мы, в сопровождении В. Х. Рябчиковой, отправляемся домой к ее тетке – восьмидесятилетней Лукерье Васильевне Гнутовой, без которой не поются самые красивые и наиболее трудные старинные песни. Идем и мечтаем о том, чтобы она была сегодня (и, конечно, еще долгие-долгие годы) в добром здравии. Нам повезло.

² Из 33 фонограмм в этот раз записали 11 лирических песен и 9 песенно-танцевальных образцов.

Лукерья Васильевна (или баба Луша, как зовут ее все родные и знакомые) незванным гостям не удивилась, на вопросы о родине своих родителей и переселении их в Сибирь из Белоруссии отвечала почти автоматически, из чего мы заключили, что были далеко не первыми из обращавшихся к этой народной исполнительнице. Несколько смутил ее, правда, наметившийся ракурс нашей беседы, так как мы стали допытываться до богослужебного прошлого старообрядцев этого края. Первым делом мы

Певческая группа платоновских кержаков (сидят слева направо): В. Е. Иванова, Е. В. Демчихина, Х. П. Ходинская, В. Х. Рябчикова, директор РДК С. Г. Осипов, Е. П. Финашкина. Фото Н. Урсеговой

желали выяснить, поповское это согласие или беспоповское. Дело в том, что в этнографической литературе существует мнение, что здешние староверы – федосеевцы, представители одного из беспоповских согласий. Проверая эту гипотезу, мы столкнулись с новой, неожиданной для нас информацией – С. Г. Осипов утверждал, что в Бергуле был старообрядческий храм, в котором до войны служил священник. С этого вопроса: «Был поп или нет?» – и начался наш разговор с бабой Лушей. Получив утвердительный ответ и многозначительно переглянувшись, мы продолжали беседу в том же направлении. После непродолжительных уговоров Лукерья Васильевна спела нам Трисвятое, извинившись при этом, что поет «не покержацки» и тропарь Пасхи «Христос воскрес». Более развернутых богослужебных жанров, равно как и сведений о литургической практике услышать не удалось, самым частым оправданием при этом служило: «Не помню,

мы-то уж не молились». Затем мы обратились к внебогослужебным духовным жанрам. Здесь наши результаты также оказались весьма скромными: волочебная песня «Христос воскрес» и духовный стих «Все люди живут», проникновенно исполненный бабой Лушей вместе с Варварой Харитоновной. Вслед за этими произведениями мы услышали балладу «Жила-была вдова», названную исполнительницей духовным стихом. Дальнейшие записи, пожалуй, можно назвать одним из самых ценных приобретений нашей поездки – это были старинные протяжные песни с ладовыми перебивками и прихотливо льющейся мелодией, звучащие под шум дождя с громом («Никак Петро сердится» – дело было накануне Петрова дня). К пению временами подключалась Варвара Харитоновна, пытаясь приладиться к сложному мелодическому рисунку «долгих» песен, нередко сокрушаясь при этом: «Это только бабка

Старейшая участница платоновской певческой группы Лукерья Васильевна Гнутова с участницей экспедиции Н. А. Урсеговой
Фото Е. Жимулевой

Лушка знает, я такое колено вывести не могу». Иногда пение прерывалось рассказами о трудной жизни в деревне, о «кержаках», о «ранешних» песнях и местном говоре («как говорили в Платоновке и как говорят в Северном», какие слова «привезены» из Белоруссии). Рассмотрев старинный крестик бабы Луши, договорившись о завтрашней встрече в доме Рябчиковых («заказав» при этом песни, которые мы хотели бы записать) и, похоже, изрядно утомив старушку своим присутствием и расспросами, мы, наконец, отправились восвояси, при этом нам показалось, что ливень немного поутих. Но не тут-то было! Как только мы вышли на улицу, дождь хлынул с новой

силой. А путь наш был не близкий – на другой конец села (в дом Е. П. Финашкиной), да и дорогу мы помнили нетвердо. Но наше замешательство длилось совсем недолго: немного поплутав и промокнув до нитки, мы предстали перед нашей радушной хозяйкой Екатериной Петровной, которая нас обогрела, накормила и напоила, хотя и в темноте, так как электричество по случаю непогоды отключили. Понимая, что после такого ливня в заветный Бергуль добраться скоро не удастся, надеясь на завтрашний день и, прежде всего, на новую встречу с Лукерьей Васильевной, мы легли спать под шум непрекращающегося дождя.

12.07.2002.

Утро встречаем у Екатерины Петровны. Сошаниваемся с С. Г. Осиповым, который без особого энтузиазма предлагает попробовать таки прорваться в Бергуль. Поразмыслив о перспективе застрять на полпути в качественной дорожной грязи и реально оценив наши физические возможности в подобной ситуации, решили – не рисковать. Вопрос – куда направить наши стопы? – решился быстро. Варвара Харитоновна Рябчикова по случаю нашего приезда в район и грозы, помешавшей поездке в Бергуль, устроила в своем доме застолье. А поскольку кроме нас, гостей Северного, она пригласила уже известных нам песенниц, мы поняли, что продолжение записи следует.

Но сначала мы должны были отдать дань уважения гостеприимству хозяйки, приготовившей для нас несколько традиционных «кержацких» блюд. На столе расположились березовый сок, окрошка, овсяный кисель с молоком, молочная лапша и, главное, «требух» (очищенный, нарезанный и приготовленный на сковороде говяжий желудок). Мы все попробовали, отметили «экзотичность» этой еды и поняли, что если бы на столе не было более привычной вареной курицы, яиц, творога, свежих огурцов и блинов, то нашим желудкам пришлось бы очень туго.

Впрочем, это не главное. Важно, что опять зазвучали песни – да такие, что дух захватывает: «Печальное мое сердце», «Снежки белы, лопушисты», «Час от часику времечко ли то проходит»... Записали еще одну свадебную – «Летела кукушечка», хороводную, крутуху, рекрутскую, «Ланцова» с каким-то невероятно длинным и необычным текстом, несколько песен 1920 – начала 1930-х годов, из тех, что наши песенницы выучили и пели в школе.

Между песнями просматриваем фрагменты видеозаписей, выполненных по ходу сельских

праздников, и ведем разговоры на разные интересующие нас темы. В конце дня, после застолья и песен, Варвара Харитоновна показала нам приготовленную ею «смёртную» одежду, убранство гроба, крестик и лестовку – четки, вручную сделанные из тканей, свернутой «пояском» ленты, заложённой складками. Постепенно присматриваемся к хозяйке дома, этой шумной, энергичной женщине с командными интонациями в голосе и открываем для себя не только истинного носителя песенной традиции, но и стихийного собирателя народной мудрости, стремящегося во всем разобраться и сохранить все ныне существующее и, увы, уходящее.

Вечером возвращаемся в гостиницу, продолжаем прослушивать и описывать аудиоматериалы, расшифровываем песенные тексты, чтобы выявить и вовремя успеть ликвидировать «темные места». Работа эта продвигается очень медленно. Пора сделать перерыв в записи новых материалов.

13.07.2002.

Основное время уделяем «камеральным» видам деятельности: слушаем песни, записываем в тетради тексты, хронометрируем.

Днем сделали попытку встретиться с соседкой Варвары Харитоновны, внучкой бергульского священника, но нас постигла неудача – Ксении Афанасьевны не оказалось дома.

14.07.2002.

После сильного дождя, лившего вечером в четверг, два следующих дня погода стояла теплая и солнечная, дороги высохли, и появилась возможность попасть в Бергуль – заветное для фольклористов село, прославленное своей богатой певческой традицией. Выехали в воскресенье утром, кроме участников экспедиции и шофера в машине находились С. Г. Осипов и В. Х. Рябчикова, ехавшие провести своих родных, друзей и знакомых. Около часа езды по грунтовой дороге – и мы въезжаем в село Бергуль, основанное в 1903 году переселенцами из Белоруссии. Вид этого в прошлом крепкого «кержацкого» села произвел на нас впечатление – дорога в глубоких рытвинах, заброшенные дома, заросшие огороды, хмурое небо, холодный ветер, сама удаленность от крупных населенных пунктов – все это вместе создавало ощущение глухой, почти сказочной старины и укрепляло нашу надежду обнаружить в Бергуле отголоски подлинно традиционной народной культуры. В первую очередь нас интересовали протяжные песни, а также духовные стихи, пением которых издавна славился этот край.

Хотелось также получить информацию о богослужебной практике староверов, следы которой, мы надеялись, сохранились в Бергуле лучше, чем в Северном.

Скажем сразу, что большинству наших надежд на память бергульских песельниц сбыться было не суждено. Удалось пообщаться лишь с двумя представительницами прежнего, знаменитого своими выступлениями ансамбля, «открытого» в свое время М. Н. Мельниковым, – Марией Тимофеевной Гайдуковой (1930 г. р.) и Ксенией Винальевой Беловой (1926 г. р.). К нашей беседе, проходившей в Доме культуры, присоединились также две другие жительницы с. Бергуль: Фекла Никифоровна Степанова (1925 г. р.), старавшаяся по нашим просьбам припомнить особенности богослужебной практики в Бергуле, и Анна Яковлевна Циркина (1932 г. р.), большую часть жизни проведшая в соседнем татарском селе Ичкала и потому многое из местной певческой традиции утратившая.

Разговор с народными исполнительницами начался с расспросов о том, пели ли «божественное» после закрытия старообрядческой церкви («молеального дома»), произошедшего еще до войны. Оказалось, что практика ведения служб продолжалась на протяжении более чем полувека после этого события – богослужения совершались потомками священника в домах сельчан среди пожилых людей. Хотя некоторые исполнительницы сохранили детские воспоминания о службах, на которых они присутствовали вместе с певшими там родителями, сами они не могут воспроизвести даже самые известные песнопения. Правда, Ксения Винальевна, заметив наш интерес к данной сфере, рискнула исполнить тропарь Пасхи «Христос воскрес», который, однако, приобрел в ее интерпретации вариант, сильно удаленный от канонического напева. В целом же, можно сказать, что живая традиция литургического пения в этом районе проживания старообрядцев (вернее, их потомков), теплившаяся примерно до 90-х годов XX века, в настоящее время утрачена.

В ненамного лучшем состоянии находятся и духовные стихи, в некоторых случаях (например, при похоронах) занимавшие в старообрядческой среде положение, близкое церковным песнопениям. Попытка исполнить «классический» стих о расставании души с телом «Уж вы, голуби» так и не увенчалась успехом, несмотря на все наши просьбы. Правда, стараясь вспомнить интересующие нас произведения, М. Т. Гайдукова рассказала нам два баллад-

ных текста («Жила-была вдова небогатая», «Повел Осип коней поить»), названных ею также стихами; очевидно, здесь произошло смешение двух жанров эпической природы.

В процессе нашего разговора выяснилось, что в настоящее время при совершении похоронного обряда не поют стихов и молитв, похороны и поминальные дни озвучиваются традиционным жанром плача — *голошения*. И здесь нас поджидала долгожданная удача — нам посчастливилось записать три похоронных причитания (два от А. Я. Циркиной, одно от К. В. Беловой), жанра, чрезвычайно редко звучащего в несоответствующей ему ситуации. Эти горестные взывания к родственникам, направленные в мир иной, выражавшиеся в экспрессивном импровизированном пении-проговаривании, способны произвести сильное впечатление и в аудиозаписи; нас же просто пробирала дрожь при виде слез на глазах у исполнительниц во время голошения. Кроме того, бабушки с большим энтузиазмом и деловитостью (к ним присоединилась и В. Х. Рябчикова) поведали нам об особенностях шитья традиционной похоронной одежды — савана; эта деталь впоследствии подтвердила наши предположения об исконной конфессиональной принадлежности бергульских староверов.

Что же касается других фольклорных сфер и жанров, то здесь нам особенно порадоваться было нечему: из календарно-обрядового цикла нам спели лишь воловечную песню «Идем, братцы, вдоль улицы» (что неудивительно, так как календарный фольклор вообще не является развитой сферой у бергульцев — потомков выходцев с Русского Севера); две свадебные песни, исполненные после наших настойчивых просьб, вспомнились песенницами не сразу. Песни, сопровождавшие игры и танцы, звучали чаще, заметно было, что этот пласт народного песнетворчества во время молодости исполнительниц был востребован гораздо более активно, чем остальные вышеописанные жанры.

Основную же часть песен, записанных нами во время бергульской поездки, составили лирические образцы. Но что мы слушали?! Наши замечательные старушки на большом эмоциональном подъеме громко и старательно «усполаждали» наш слух «шедеврами» вроде «Здравствуй, милая Маруся!» или «Анюта — девочка красива», подлинная же крестьянская лирика — протяжные песни, краса и гордость местных «кержаков», явно занимала периферийное положение на фоне многочисленных песен городской традиции, кроме того нередко звучащих отрывками, а иногда пропевавшихся

на несоответствующий им мотив. Описанная картина, а также разобщенность, неспетость ансамбля, признание исполнительниц, что «вместе давно не поют» произвело на нас весьма удручающее впечатление.

Итак, вряд ли можно сказать, что Бергуль нас сильно порадовал, несмотря на всю живописность этой местности. Из всего вышеизложенного напрашивается вывод об угасании знаменитой в прошлом песенной традиции сибирского села. Похоже, что в настоящее время Бергуль практически «не поет». И все же стоит поехать туда еще раз, чтобы более обстоятельно поработать и с уже знакомыми нам песенницами, и с теми, с кем мы не смогли по разным причинам встретиться в этот раз, для того, чтобы составить более верное и полное представление о народной культуре далекого «северного» села. С такими и подобными им мыслями покидали мы этот заброшенный среди бескрайних Васюганских болот островок человеческого обитания.

15.07.2002.

Вплоть до последнего дня нашего пребывания в Северном нас не оставляло желание дознаться до правды — выяснить, что за загадочный священник был в Бергуле. После того как внучка попа Ксения Афанасьевна Аксентьева, соседка В. Х. Рябчиковой, на ее просьбу пообщаться с нами ответила резким и категорическим отказом, мы отправились к «бабке Лукерье», другой внучке бергульского священника. Перед калиткой ее дома было принято решение: «Ни слова про песни, мы — историки-краеведы, занимаемся историей села Бергуль». Разбудив ничего не подозревавшую старушку, мы усадили ее на скамейку возле дома и начали беседу на интересующую нас тему (вернее, это был скрытый допрос). После нескольких вступительных вопросов («Правда, что вы из Бергуля?» и т. п.), выяснения разных отчеств сестер-внучек попа, участники экспедиции перешли к главному.

— Лукерья Куприяновна, расскажите нам, пожалуйста, чем занимался ваш дедушка?

— Дедушка? А чем он занимался, он старенький был...

И все, глухое молчание. Понятно, что на такой прямой вопрос «в лоб» ответа не будет. Заходим с другой стороны:

— А правду говорят, что в Бергуле раньше церковь была?

— А, да, была.

— И священник там был?

— Поп-то? Да, был.

– А как его звали?

– Звали как? Дед, – обращается она к стоящему у изгороди мужу, – мать-то у меня Пимановна была? (Пимановна, отвечает дед.) Ну, значит, попа Пиманом звали.

– Так получается, что поп был вашим дедушкой? – спрашиваем мы с притворным удивлением.

– А, ну да, дедушкой...

Ну, наконец-то вывели ее на чистую воду!

Дальнейшая беседа протекала более гладко. Немного привыкнув к нам, старушка рассказала, что до войны в Бергуле был старообрядческий храм, где служил ее дед Пиман Чалков, приехавший в начале XX века из Барнаула (не из Белоруссии!), в храме пела ее мама со своими сестрами, братья деда. В 30-е годы (не помнит, когда точно) церковь разрушили; что случилось с дедом-священником – можно лишь догадываться, так как об этом Лукерья Куприяновна говорила крайне неясно и туманно. Зато рассказала нам эпизод из «подпольной» богослужебной практики, о том, как в войну, в полуразрушенном храме наиболее ревностные и смелые прихожане совершали Пасхальную службу. «Заглянули туда эти, как их, солдаты. Что вы тут делаете? – говорят. – Поем. Можно? Ну ладно, пойте, можно. И не стали нас прогонять».

Тут мы опять пристали с расспросами.

– Скажите, пожалуйста, а вот когда в храме больше не служили, в домах «божественное» продолжали петь?

– Пели, пели. Мать моя пела – баба Татя, так ее звали, тетки пели. Но это было в Бергуле, не в Северном. Мать перед смертью всему научила сестру Ксению, и петь, и читать.

– А вас почему не научила?

– А я учиться не хотела, работать хотела. Бывало, закину сумку с книгами, а сама на молотилку...

Постепенно проникнувшись к нам доверием, баба Луша позвала нас в дом посмотреть на лестовку, подрушник, старинную икону Казанской Божьей Матери, вынесенную из разрушенного храма, и большой медный крест, который после некоторых колебаний разрешила нам сфотографировать. Попрощавшись с бабушкой (как выяснилось, она приняла нас за школьниц!), с чувством выполненного долга мы отправились на прощальный ужин к Екатерине Петровне.

Ну вот, наконец-то вопрос об отношении к священству здешних старообрядцев стал несколько проясняться. Опираясь на полученную информацию, мы можем предположить, что «северные» староверы – беспоповцы федосеевского толка, приехав в Сибирь из Белоруссии, попали под влияние местного поповского старообрядчества. Возможно, здесь над ними был поставлен священник Пиман Чалков из Барнаула, и, таким образом, беспоповцы перешли в поповское согласие. Известно, что кроме двух внуков, живущих в Северном, из родственников «бергульского попа» в живых остался внук Лифантий Григорьевич Чалков, живущий в с. Бергуль. Возможно, поработав с этими людьми, а также с архивными документами и материалами, можно получить достоверную информацию о прошлом староверов этого края и их богослужебной певческой традиции (но в целом предоставим решать эту проблему историкам и медиэвистам, мы же интересовались этим из чистого любопытства).

С 34 Сибирский музыкальный альманах, 2002 / Новосиб. гос. консерватория (академия) им. М. И. Глинки. – Новосибирск, 2004. – 380 с.

ISBN 5-9294-0022-9

«Сибирский музыкальный альманах – 2002» является третьим в серии ежегодников, которые издаются в Новосибирской государственной консерватории. В нынешнем выпуске альманаха опубликованы научные статьи, переводы, материалы по истории музыкальной культуры Сибири, сообщения об экспедициях, интересных встречах и конференциях в стенах консерватории, представлены книжные новинки, изданные в НГК.

Ежегодник адресован музыковедам, искусствоведам, преподавателям и студентам учебных заведений, всем интересующимся проблемами музыковедения, исполнительского искусства, истории музыкальной культуры Сибири.

СИБИРСКИЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ АЛЬМАНАХ. 2002

Редакторы А. В. Русанов, М. А. Русанова, Л. А. Лукинцова

Компьютерный оригинал-макет подготовили:
Е. Г. Червякова, В. А. Парфёнов

Лицензия ЛР № 020511 от 02.07.98.

Сдано в набор 21.11.2003. Подписано в печать 25.11.2004.

Формат 60х90/8. Усл. печ. л. 47,7. Уч.-изд. л. 51,5.

Тираж 1000 экз. Заказ № 365.

Новосибирская государственная консерватория (академия) им. М. И. Глинки
630099, Новосибирск, ул. Советская, 31.

Отпечатано в СП «Наука»
630077, Новосибирск, ул. Станиславского, 25